

УДК 336.221(045)(37)

Социальные характеристики римского налогообложения

ПАНОВ ЕВГЕНИЙ ГЕНРИХОВИЧ

кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Финансового университета

E-mail: e.panov@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется исторический процесс формирования фискальной системы римского налогообложения, ставшей теоретическим основанием неразрывной связи налогов и государства. Авторский подход предполагает, что первым историческим этапом в существовании римского налогообложения является самообложение, выражающееся в цензовой системе. Также выделяется особая роль налогообложения в формировании социального единства, выражающегося в социальной дифференциации и интеграции римского общества.

Ключевые слова: символическая природа налогообложения; феномен налогообложения; фискальная система налогообложения; цензовая система налогообложения.

Social Characteristics of Roman Taxation

EVGENIY G. PANOV

Ph. D. (Philosophy) Associate Professor Philosophy Department Financial University.

E-mail: e.panov@gmail.com

Abstract. The article analyzes the historical process of the formation of the fiscal system of Roman taxation, which became the theoretical basis of the inseparable connection between taxes and the state. The author's approach assumes that the first historic step in the existence of Roman taxation was voluntary tax payment expressed in the census system. Also a special role of taxation in the formation of social unity is highlighted. The unity is expressed in the social differentiation and integration of Roman society.

Keywords: the phenomenon of taxation, census system of taxation, fiscal taxation system, the symbolic nature of taxation.

Для просвещенного читателя банальным выглядит утверждение, что современная российская система налогообложения испытывает серьезные трудности. По мнению автора, это состояние предстает не как отголосок мирового финансового кризиса, а как характеристика прежде всего основ современной теории налогообложения. Для специалистов проблемной остается даже сама постановка вопроса о природе феномена налогообложения. Еще сложнее ситуация в сфере анализа практики налогообложения последних двадцати лет. В начале 90-х годов прошлого века декларировалась необходимость формирования в постсоветской России налоговой системы, отвечающей требованиям современного постиндустриального развития, открывающей простор новым (читай «инновационным») экономическим отношениям. Процесс же со-зидания привел к тому, что образно характеризуется

как «византийская теократическая система налогообложения». Если описание «инновационной» системы налогообложения сводится к перечислению ошибок и противоречий практики, то «византийская налоговая система» оказывается загадкой как для построения аналогий, так и для историко-теоретической реконструкции. Можно констатировать лишь следующее.

Во-первых, процесс реформирования и реорганизации, ориентируясь на формы налогообложения, соответствующие лучшим образцам современного западноевропейского экономического моделирования, в действительности привел к «налоговому аду», как образно обозначается западными источниками состояние налогообложения в Византии.

Во-вторых, возможность таких метаморфоз кроется в единой генетической природе современной западноевропейской и византийской систем

налогообложения. Обе они прямо или опосредованно вырастают из единой первоосновы — римского налогообложения, представляющего в этом смысле «классику» налоговой теории и практики. Римское налогообложение в современной научной литературе не стало предметом самостоятельного исследования, однако накоплен огромный материал, позволяющий наметить некоторые проблемы, подлежащие комплексному анализу, в котором может принять участие и философ.

Прежде всего, эти проблемы затрагивают методологическое основание анализа источников и свидетельств, представляющих фактический материал по налогообложению периода античности в целом и римского в частности. Современное понимание исходит из политэкономической методологии, напрямую связывающей налоги с государством. В этом случае налогообложение формирует государственный бюджет, а государство создает органы взимания налогов, с помощью которых напрямую воздействует на экономические процессы. Таким образом, налогообложение встраивается в структуру взаимозависимости двух сфер жизни общества — политики и экономики.

В силу гносеологической простоты эта методологическая установка объявляется «очевидной» и ей придается универсальный характер. С таких позиций любая историческая форма налогообложения рассматривается исходя из современной идеальной модели взаимосвязи политики и экономики, а следовательно, предстает как ее неразвитое состояние. В свою очередь, современная западноевропейская модель осознается как закономерный и завершающий этап исторического развития налогообложения, хотя сама по себе является одной из особых форм его проявления.

Фактически в подобного рода теоретизировании принцип историзма подменяется некой телеологией, в которой современные представления об институтах и процессах в сферах экономики и политики переносятся на прошлое. Так, в историческом анализе античного налогообложения появляются категории «прямых и косвенных» налогов, «государственного бюджета» и т.п. Зримые же несоответствия рассматриваются как проявления неразвитости и архаичности, которые будут устранены закономерным историческим прогрессом.

Критика такой методологии достаточно полно проводилась в прошлом веке. Однако ее опасность для анализа источниковедческой базы античной истории подчеркивалась особо.

В западноевропейском представлении с Нового времени античность осознавалась как прямая причина всех социально-экономических явлений, а средневековье — как некое отклонение от генеральной линии мирового развития. Такое понимание в целом было преодолено исторической наукой, но осталось в обыденном сознании и «проросло» в отдельных сферах социального знания. Прежде всего это связано с отождествлением античного полиса с государством, а античного домохозяйства — с экономикой. Следовательно, их взаимозависимость рассматривается в рамках политэкономической модели.

Однако представления античных авторов, с позиций которых описаны исторические события, оказываются прямо противоположными. В их понимании сферы публичного (политии) и частного (домохозяйства-экономики) воспринимались как прямо противостоящие друг другу. Сошлемся на мнение исследователя прошлого века. «Мы должны в этой связи уяснить себе, до какой степени трудно из-за новоевропейских осложнений вообще понять эти решающие разделения и различия между публичным и частным, между пространством полиса и сферой домохозяйства и семьи, наконец между видами деятельности, служащими поддержанию жизни, и теми, которые направлены на общий всем мир; причем мы не должны упускать из виду, что эти разделения и различия образуют само собой разумеющееся и аксиоматическое основоположение всей политической мысли античности... Мы поэтому лишь с трудом способны осознать, что в русле античной мысли такое понятие, как политическая экономия, было бы само в себе противоречивым: все входившее в «экономику», а именно принадлежавшее чисто к жизни отдельного человека и продолжению рода, уже ввиду этого идентифицировалось и определялось как неполитическое» [1, с. 39–40].

Автор предлагает руководствоваться иной методологией, рассматривающей налогообложение в качестве сложного и многоуровневого социального явления. Оно генетически связано с исторически сложившимися представлениями о социальной целостности, материализацией этих представлений в рамках социальных институтов и формированием материального основания существования данных институтов. Таким образом, в конкретно-историческом анализе феномена налогообложения должны учитываться существовавшие в то время идейные представления и мировоззренческие установки, отношения взаимозависимости социальных слоев и групп исторического сообщества. Это дает

возможность описывать налогообложение с позиций его социальных характеристик, которые позволяют формировать и поддерживать единство и целостность конкретного общества.

В таком случае вполне объяснимым является тот факт, что конкретно-исторические формы налогообложения в представлениях современников выступают символами этой целостности, а отношение к налогам тождественно проявлению гражданской позиции. Попытаемся продемонстрировать эти утверждения на примере римского налогообложения, основываясь на материалах историков-профессионалов. Автор заведомо не претендует на собственные исторические изыскания и открытия, однако попытается осуществить теоретическую реконструкцию на основании авторитетных свидетельств и позиций, существующих в современной научной литературе.

Важнейшая социальная характеристика римского налогообложения связана с механизмом включения индивида в сообщество и формированием института «гражданства». Конкретные формы налогообложения в этом случае выступают как опосредующее звено сфер публичного и частного. В римской истории можно выделить два типа такого опосредования, генетически связанных друг с другом и сосуществовавших в виде самостоятельных и конкурирующих налоговых систем, которые обозначаются как «цензовая» и «фискальная».

Исторически первой формой представления о социальной целостности римского общества выступает *civitas*, которое материализуется в сакральных характеристиках общинной земли — *ager publicus*. Земля-прародительница считалась даже более значимым символом, чем сама община, потому, что она является основанием всего человеческого рода: и ныне живущих, и их предков, и их потомков. Пользование общинной землей было связано с передачей общине части урожая, обозначавшейся термином *vestigalia*. Данная выплата символизировала связь домовладельца с частью общинной земли (*plena in re potestas*), предполагающую принятие обязательств ее деятельного культивирования.

Членом общины признавался тот, кто принимал на себя эти обязательства, существуя за счет пользования землей. Община оставляла за собой право понижения домохозяина в гражданских правах за ненадлежащее исполнение обязанностей по отношению к выделенному участку земли. *Vestigalia* по форме была символом реализации прав члена общины, а по содержанию — зримым отчетом о выполнении гражданских обязанностей. Количество и качество

этой части урожая в динамике свидетельствовали об успехах или просчетах в ведении хозяйства. Интересно отметить, что подобный вид символического вступления в права и обязанности гражданина в трансформированном виде сохранял свое значение и в последующей римской истории.

В дальнейшем механизм включения гражданина в состав общины приобрел дифференцированный характер, что отразилось в социальной структуре римского сообщества. Возникновение первичной социальной дифференциации напрямую связано с введением *tributum* и цензовой системы налогообложения. Первоначально общественное жертвоприношение сопровождалось привнесением в сокровищницы различных алтарей определенных монет за каждого из взрослых мужчин, женщин, детей, умерших или родившихся членов семьи. Это позволяло учитывать состав общины с учетом демографической динамики [2, с. 70]. Представление о *tributum* как социально значимой жертве нашло отражение в церковно-славянском языке, где понятием «треба» обозначаются жертва, приношения и жертвоприношения [3, с. 427]. Введение цензовой системы устанавливало соответствие между выполнением гражданских обязанностей и возможностями домохозяйства, за счет которых они осуществлялись. Это выразилось во взимании *tributum* не с членов сообщества (*viritim, kata kefalen*), а с их имущества — *ex censu aro ton timemation*.

Разделение гражданских обязанностей в соответствии с возможностями домохозяйства привело к формированию имущественных классов, ставших основой социальной структуры римской *civitas*, что представлялось самим римлянам базисом мирового порядка и величия державы. «Ценз — самое благодетельное для будущего великой державы установление, посредством которого повинности, и военные, и мирные, распределяются не подушно, как до того, но соответственно имущественному положению каждого. Именно тогда учредил он и разряды, и центурии, и весь основанный на цензе порядок — украшение и мирного и военного времени» [4, с. 48]. Гражданские обязанности имущественных классов заключались в выполнении общественно значимых служб, подобных афинским литургиям и получивших название *munera* (sg. *munus* — служба, должность, поручение).

Члены общества несли коммунальные повинности за счет средств домохозяйства. Те же, чье имущество оценивалось как предельно минимальное (меньше 1500 ассов), причислялись к «пролетариям»,

основной общественной обязанностью которых было «воспроизводство рода». Особого рода гражданской обязанностью была военная служба: снаряжение воина зависело от цензовой оценки имущества и происходило за счет его хозяйства. Если социальные функции *tributum* оцениваются однозначно, то его чисто фискальные функции до сих пор вызывают разноречивые суждения специалистов. Хотя точные оценки размеров данного налога в источниках отсутствуют, принято исчислять его в 0,1% стоимости имущества. Следует заметить, что трибут взимался даже с вдов и сирот. Нет и однозначного понимания по поводу расходования получаемых средств. Все это позволяет сделать предположение о том, что основное значение *tributum* состояло не в передаче средств в общественный фонд, а в дифференцированном включении индивида в гражданское сообщество.

Цензовая система расценивалась современниками в качестве символа принятия на себя определенных гражданских обязательств. Исполнение их формировало социальный статус члена сообщества и гарантировало его права. Нерадение в исполнении общественных обязанностей (*improlio*) приводило к понижению статуса — выводу гражданина из цензового класса, для чего в цензовых списках делалась особая отметка — *nota* [5, с. 630–631], и даже переводом в *agerarius* — состав лиц, не включенных в ценз и плативших поголовный налог (*viritim*) [6, с. 11]. Исключение из цензовых списков означало признание неспособности исполнять гражданские обязанности, т.е. несоответствие статусу гражданина. Известный факт борьбы патрициев и плебеев включал в себя и требование последних платить *tributum*, что расценивалось как необходимость признания гражданского равноправия. Развитие социальных характеристик *tributum* в республиканский период выражалось в двух противоречивых тенденциях.

С одной стороны, ужесточался порядок проведения цензовых описей и сохранялись суровые наказания за уклонения от них, вплоть до продажи в рабство или казни [7, с. 40]. Совершенствовались способы промера земельной собственности, доводились до совершенства землемерное искусство и техника межевания. Дорожная сеть и система межевых знаков земельных участков наносились на земельные карты и хранились в государственном архиве как общественное достояние [8, с. 30]. Кроме размеров землевладения цензовой описи подлежали все постройки на земле (*aedificium et omnis confinentur*), инвентарь земельного имущества (*instrumentum fundi*) и рабы.

Путем введения налогов также фиксировались текущие изменения имущества. Например, выход рабов из хозяйства ограничивался введением по закону Манлия (357 г. до н.э.) пятипроцентного налога на отпуск рабов на волю (*vicesima manumissionum*). Изменения во владении недвижимостью также стали регистрироваться введением в 169 г. до н.э. пятипроцентного налога на наследство (*vicesima hereditatum*).

С другой стороны, сообщения о поступлении реальных денежных средств связаны с назначением *ultra tributa* или *tributum temerarium*, что означало внесение в казну пожертвований граждан по своей воле без ценза в экстраординарных условиях. Такое в римской республике случалось дважды: при разорении Рима галлами (390 или 387 г. до н.э.) и после поражения римлян при Каннах в период Второй Пунической войны (215–210 гг. до н.э.). В обычных же условиях фискальная значимость гражданского *tributum* была не актуальной, что подтверждают факты неоднократной его отмены, а в период с 168 г. до н.э. по 43 г. до н.э. он вообще не взимался. В 189–188 гг. до н.э. прерогативы цензовой описи были предельно расширены и, по мнению источников, «цензоры приняли в число граждан всех, рожденных от свободных родителей», членов *civitas*. Следует отметить, что исполнение *munera* как в виде несения почетных обязанностей, так и в виде расходования материальных средств на общественные нужды стало возлагаться чаще всего уже не на отдельных лиц, а на профессиональные объединения — *collegia* и *corpora* [9, с. 61–69]. Единственной общественной обязанностью длительное время оставалось проведение общественных пиров и праздников за счет собственных средств гражданина. Военные реформы Гая Мария (*Gaius Marius*) сняли обязательную воинскую повинность римских граждан: вступление в армию больше не регулировалось цензовыми списками, вступающие лишались гражданского статуса на срок службы (25 лет), который возвращался им при увольнении со службы вместе с выделением земельного надела в личное владение.

Совмещая эти противоречивые тенденции — упорядочивание цензового учета, фактическую отмену налоговых выплат гражданами, а также снятие обязательного характера общественных служб, можно сделать следующий вывод: гражданский *tributum* утрачивает свой фискальный характер и окончательно становится символом принадлежности к римской общине и гражданского статуса. В социальном плане он предстает основанием внутренней дифференциации *civitas* и фиксацией возможностей

добровольного вклада гражданина в общественное достояние, подлежащих моральному регулированию и оценке. Например, в деятельности цензоров особое внимание обращалось на попытки гражданина *демонстрировать большее богатство, чем он реально обладает*. В цензовых описях проверялось фактическое состояние имущества и пресекались попытки получения более высокого статуса, что было чревато невыполнением общественных обязанностей. Преследовалась демонстрация роскоши, что расценивалось как ненадлежащее расходование средств, которое может привести к разорению хозяйства или не способствует развитию его производительной мощи. Впервые закон, предполагавший увеличенное обложение предметов роскоши, относят к 215 г. до н.э. (Lex Oppia). Затем налоги с роскоши были введены в цензурство Катона (185 г. до н.э.).

В конечном счете, в глазах современников цензоры были не налоговыми инспекторами, а хранителями устоев римской civitas и общественной нравственности. В условиях отсутствия реальных фискальных изъятий цензовая система делала имущественные отношения «прозрачными», а хозяйственная деятельность гражданина подлежала моральному регулированию институтом общественного мнения. Таким образом, цензовая система, основанная на «самообложении» и «самовзимании» гражданского tributum, становится символом римской общины, олицетворяя своим существованием такие ее черты, как социальное равенство, социальное единство и гражданская свобода. В общественном мнении социальное равенство выражается необходимостью регулярной публичной демонстрации всех деталей частной жизни и хозяйственной деятельности, а также наличием правовых санкций за уклонение от таких процедур. Ведение же хозяйства подлежит только моральному регулированию, так как провозглашается право личной ответственности домохозяина за построение хозяйственных связей. Формирование института неприкосновенной частной собственности (dominium ex iure Quiritium) с распространением статуса dominus на участок общинной земли декларирует полную гражданскую свободу. В ее рамках все хозяева равны и свободны в построении хозяйственных связей, которые являются вневличностным регулятором экономических отношений. Но результаты хозяйственной деятельности получают моральную оценку в общественном мнении, что отражается в готовности сограждан вступать в новые хозяйственные связи или укреплять существующие.

Моральное осуждение сообществом гражданина за результаты построения им хозяйственных отношений могло привести к отказу остальных граждан от включения этой персоны в структуру хозяйственных связей или выводу ее из уже сложившейся системы. Такое регулирование создавало новое представление о социальном единстве, построение которого основано не на тождественности и обезличенности членов рода или общины, а на социальной дифференциации, доведенной до персонификации. Каждый домохозяин как dominus был тождествен уникальному участку общинной земли, знатность рода символизировала прочность и преемственность этой тождественности на протяжении многих поколений и выступала в общественном мнении гарантией высокой нравственной оценки процесса построения хозяйственных отношений и их результатов. Основание же социальной дифференциации строилось на цензовой системе. Чем большая разница существовала между домохозяйствами, тем обширнее становилось пространство возможных хозяйственных связей и ярче проявлялась объективная необходимость их построения. В целом такое представление в дальнейшем развитии западноевропейской традиции легло в основание теории гражданского общества.

В структуре римского налогообложения цензовая система гражданского tributum предстает «внутренней» налоговой системой, символизирующей в общественном мнении гражданские ценности civitas. Именно они структурируют римскую картину мира и олицетворяют социальный порядок. Однако реальное снижение и даже ликвидация фискальных характеристик этой системы вызывают закономерный вопрос: откуда же возникали средства республиканской казны, которые известны историкам как основание могущества Рима. Ответ заложен в мировоззренческой концепции «Pax Romana», выражавшей представление о разделении мироздания на две противоположности: «Рим» и весь «остальной мир». Это представление освещало формирование «внешней» налоговой системы, распространяемой на всех «неграждан», проживающих на территории республики. В структуре цензовой системы к ним применялся иной tributum — провинциальный. Он становился символом их неравенства, что внешним образом демонстрировало и укрепляло социальное равенство римских граждан.

Исследователи считают, что основанием провинциального tributum могут являться союзнические сборы (phoros) многочисленных коалиций, в которые вступала ранняя римская республика в борьбе за

гегемонию в Средиземноморье. В большинстве случаев Рим сохранял гегемонию в союзе, хотя использовал для этого различные методы, даже превращая бывших союзников в побежденных. Завоевание давало в руки победителей совершенно неограниченные права по отношению к земле, собственности и даже жизни побежденных. Общественное мнение, или «народное право, позволяло отнять у побежденного неприятеля его собственность и даже его личную свободу; следовательно, тем более позволяло оно исключить его из собственного правового союза и низвести его до подданнического положения, в котором им пользовались и эксплуатировали его» [10, с. 74]. Вся побежденная страна представляла собой «*Praeda populi romani*» — прибыльное имущество *civitas*, доходы с которого компенсировали символический характер гражданского *tributum*.

Такая позиция в последующей западноевропейской традиции нашла выражение в представлении о военной контрибуции. Однако изначально контрибуция обозначала материальную компенсацию побежденными потерь Рима в ходе ведения военных действий. Выкуп же жизни и имущества в этих условиях формально происходил путем займа денежных средств у победителей, с последующей длительной поэтапной выплатой не только суммы долга, но и процентов на займ (*quae rationes conficiendae pecuniae, aut vertura aut tributo*). Таким образом, выкуп отделялся от единовременной военной контрибуции и становился постоянным провинциальным налогом, взимаемым с земли, и с людей.

В социальном плане провинциальный *tributum* был сложным явлением, включавшим различные типы социальной дифференциации. В форме поголовной подати *tributum in capita* нивелировалось различие между свободными негражданами и рабами, так как выплаты взимались корпорально со всего населения провинции *singula servorum et liberorum*. А вот налогообложение земли *tributum soli* оформлялось сложной дифференцированной системой отношений римской *civitas* с каждой провинциальной общиной отдельно. Это отражалось в особых провинциальных законах, учитывающих обстоятельства включения провинции в «*Pax Romania*» и доримские традиции налогообложения. Такая дифференциация разъединяла провинциальные общины, реализуя принцип «разделяй и властвуй», что фактически способствовало формированию самого института политики.

Некоторые провинциальные общины сохранили право аренды своей земли у победителей на

условиях выплаты $\frac{1}{10}$ урожая. Такой вид выплат рассматривался как *vectigal certum*, взимался в натуральной форме самими провинциалами и получил название *stipendium*. Его значение в римской истории трудно переоценить. Наличие в распоряжении римской гражданской общины больших запасов товарного зерна и продуктов гарантировало продовольственное обеспечение «Великого Города» и провинциальных центров, практически всех граждан и римской армии. В общественном сознании продовольственная независимость от природных факторов легла в основание формировавшейся римской теории налогообложения, а распоряжение этими средствами косвенным образом привело к созданию новой, «фискальной» системы налогообложения.

Теоретическая реконструкция социальных основ возникновения «фискальной» системы может быть представлена следующим образом. Часть провинциального *tributum*, собранная в натуральной форме, требовала достаточно оперативного распределения. Эта новая гражданская обязанность могла быть возложена только на ту часть гражданской общины, которая доказала способность рачительно относиться к материальным ценностям и рационально строить хозяйственные связи. Ведь появление больших масс продовольствия на рынке грозило его обрушением и разорением массы граждан — производителей продуктов питания. Фактически необходимо было формировать особую политику участия общины в хозяйственных связях. В условиях дифференциации социальной структуры римской *civitas* эту политику могли проводить только представители высших имущественных классов: сенаторы и всадники.

Сенаторы выполняли общественную обязанность распределения собранных средств. Всадники (*equites*) приобрели обязанность реализации «заемной» формы провинциального *tributum*, которая осуществлялась путем корпорального откупа налоговых платежей (*ordo publicanorum*). Взимание части провинциального трибута в денежной форме позволяло сообществу откупщиков-публиканов (*societates publicanorum*) вносить в казну *civitas* собственные средства, а затем взыскивать их эквивалент с населения провинций на условиях «займа» (с процентами). Гарантом такого рода деятельности являлись личные качества и персональные связи всадников. Их богатство часто было обусловлено персональным участием в победоносных военных кампаниях. Поэтому провинциальные легионы и их командование оказывались вовлеченными в деятельность публиканов в провинциях. Таким образом, тенденция

к персонификации хозяйственных отношений «внутренней» налоговой системы во «внешней» системе распространялась на хозяйственную политику гражданской общины.

Если персонификация института частной собственности нашла свое выражение в понятии *dominus*, то на уровне хозяйственной политики гражданской общины этот термин был неприменим. По отношению к персоне, представляющей *civitas*, обязанность распоряжения общественными средствами (*publicum*) стала выражаться термином *imperator*, в котором индивидуальная воля приобретает характер общественного повеления. Подобного рода титулование общественных обязанностей распространялось на высшие должностные лица республики. Материальным основанием этого статуса служили наличные средства, поступающие в распоряжение императора. Они обозначались термином *fiscus*. Так первоначально назывались корзины или ящики для хранения части общественных средств, предназначенных к выплате, в отличие от *фавиз* — емкостей для длительного хранения средств в качестве сокровищ (например, закапываемых в землю).

Постепенно обозначение *imperator* стало обычным для командования провинциальных легионов, которое получало средства для содержания легиона из провинциальных налогов (*stipendium*) и распределяло их. Поэтому *fiscus* приобретает персонифицированный характер казны или военной кассы императора как полководца и руководителя военного контингента. В *fiscus* поступают также военные трофеи, которыми полководец оделял легионеров, формируя отношения личной преданности. Более того, именно авторитет персоны императора выступает гарантом получения ветераном земельной собственности по окончании срока службы. Таким образом, в общественном мнении понятия « *fiscus*» и «*император*» оказались связанными по смыслу, а их социальная институционализация стала жестко взаимообусловленной.

Со времен Октавиана Августа смысловая обусловленность представлений о *fiscus* и императоре реализуется в формировании особого императорского аппарата, обозначаемого понятием *fiscus*. Все то, что принадлежит императору, обозначается термином *fiscalis*. Появление при императоре Клавдии центрального финансового управления (во главе с чиновником *a rationibus*) привело к расширительной трактовке этих понятий, которые становятся тождественными понятиям «казна» и «казенный» (*agri fiscales* — казенные земли). Таким образом,

формируется новая « *фискальная*» система, сосуществующая и противостоящая « *цензовой*» системе республики и ее казне (*aerarium*). В социальном плане сосуществование *цензовой* и *фискальной* систем демонстрирует два уровня феномена налогообложения. В первом уровне существующие отношения закрепляются традицией и подлежат моральному регулированию; во втором — приобретают не только персонифицированную, но и институциональную форму, закрепляемую особым *Jus fisci* (II в н.э.).

Важно, что сам факт возникновения *государственного аппарата* связывают с организацией личной казны императора — *fiscus*. Первоначально в его состав входили неграждане: императорские рабы и вольноотпущенники. Они не могли осуществлять свою частную волю по отношению к средствам *фиска*, так как принадлежали императору лично или в качестве слуг императора не имели права частной собственности. Имперский бюрократический аппарат начинает свою историю с лиц, находящихся в личном служении у того, кто служит римскому народу и управляет от его лица (*res publica, res populi*). В IV в. н.э. *fiscus* окончательно оформляется в качестве прототипа государственного аппарата, существующего за счет бюджета, формируемого им же самим. В европейской традиции за *фискальной* системой закрепилась тесная и неразрывная связь с институтом публичной власти, структурой государственного аппарата и армии. Налоги воспринимаются как основа государственного бюджета, за счет которого существует сам бюрократический аппарат, имеющий в своем составе особые органы, призванные взимать налоги. Так основывается традиция восприятия государственных чиновников в качестве « *слуг народа*», а всего государственного аппарата с *фискальной* точки зрения.

Фискальная система вытесняет *цензовую* не только в действительности исторического процесса, но и является смысловым завершением тенденций развития *цензовых* отношений, в корне изменяющим соотношение основных частей этой системы. В общественном мнении символом социальной общности вместо *tributum* становится персона императора и его *fiscus*, олицетворяющие общие интересы всех в противовес частным интересам каждого. *Фискальные* изъятия из натуральной формы переходят по преимуществу в монетарную. Причем в рамках структуры аппарата *фиска* выделяется особая организация « *sacrae largitiones*» (священные щедроты), само название которой символизировало ритуальный характер преобразования денег, собранных в качестве налогов. *Фискальная* деятельность по переплавке золотых

монет разного времени и качества, чеканке эталонной имперской монеты (в 369 г. было запрещено чеканить золотую монету частным лицам) и хранению золотых слитков имперской сокровищницы (*thesauri*) придавала налоговым выплатам сакрально-символическую форму приобщения к социальной целостности. Таким образом, в фискальной системе традиции налогообложения получали институциональное выражение, символические представления материализовывались, а материальные предметы обретали символический сакральный смысл.

Важно отметить тот факт, что развитие фиска устранило и преобразовало основу эффективности цензового обложения — разделение на «внутреннюю» и «внешнюю» налоговые системы. Последовательные меры по созданию единой системы налогообложения в провинциях при Августе, общий ценз новогражданского *tributum* по конституции Антонина 212 г., а также налоговые реформы императора Диоклетиана (289–290 гг.) создали социальные основы единой фискальной системы империи. Признание прав гражданства для всего свободного населения империи, взимание поголовной подати с рабов и тяглогового скота (*capitatio*), а также составление единых имперских кадастров для взимания подати с земли (*jugatio*) устранили противоборство двух систем, ликвидировав саму социальную основу республиканского налогообложения — деление свободного населения на граждан и неграждан.

Изменения претерпевал и аппарат фиска. Его состав достаточно быстро по историческим меркам стал пополняться лицами из сословия всадников, традиционно связанных с откупной системой взимания налогов, а теперь представлявших интересы императорского фиска в провинциях (*procurator*). Таким образом, империя в отличие от республики утверждает единую систему гражданской ответственности, выраженной в обязанности выплачивать единый имперский налог. Его исчисление соответствовало цензовой традиции, однако оценка доходности земли проводилась имперскими чиновниками по единым земельным кадастрам с начислением части налога (*jugatio*), производилась оценка рабов по возрасту и ремеслу, а также оценка стоимости тяглогового скота (*capitatio*). Прочее же имущество подлежало самооценке в денежной форме. В развитии европейской традиции всеобщие гражданские права, таким образом, оказались связаны с имперским принципом построения государственности. Ярче всего эта связь проявилась в период Великой Французской революции, когда общественное мнение

приняло переход от республики к империи в качестве закономерного следствия развития гражданской свободы, завершающего путь революционной трансформации королевства.

Устранив с исторической арены противоречие «внутренней» и «внешней» систем налогообложения, формирующийся фиск трансформировал это противоречие, придав ему характер внутрисистемного. Чаще всего в исследованиях оно рассматривается как противоречие публично-правовых и частноправовых оснований фиска. Став общегосударственным финансовым институтом, он продолжал оставаться органом управления личным имуществом императора [11, с. 166, 174–175]. Чиновники фиска несли личную ответственность перед императором за результаты управления его имуществом, однако их материальное существование напрямую зависело от размеров реально взимаемых государственных налогов. Частный интерес этой социальной группы оказывался внутренне противоречивым. Место чиновника в аппарате было обусловлено отношением к *patrimonium* — части фиска, включающей личное имущество правящего императора, а реальное материальное положение связано с реализацией системы единого имперского налогообложения.

Хотя организационно и юридически противоречие двух частей фиска нашло сбалансированное разрешение только к VI в.н.э., теоретическое и практическое разрешение этого противоречия нашло выражение в римской теории налогообложения и имперской социальной политике. Ряд исследователей (М.Я. Сюзюмов, В.В. Серов) приходят к выводу, что в Риме существовала «теория налогов», ее изложение можно найти в трудах Цицерона, Саллюстия, Плутарха, Плиния Старшего, а завершенное выражение — в работах римских ученых имперского периода. Наиболее известным ее суждением является высказывание Цицерона, назвавшего налоги с провинций «*nervi republicae*» («жилами государства»). Положениями данной «теории» Тацит, Светоний и Плиний Младший оперировали в качестве критериев оценки деятельности императорской власти. Основными атрибутами римского понимания налогообложения являлись «законность и справедливость». Все мероприятия власти в области налогообложения, не соответствовавшие традициям, рассматривались как «незаконные». Те же из императоров, которые злоупотребляли налогами, оценивались как «тираны».

Наиболее полным выражением «общественной теории налогообложения» исследователи считают

«Панегирик императору Траяну» Плиния Младшего. Цель налогообложения — достижение общей пользы, император — воплощение справедливости и общего блага в противовес корыстолюбию частных лиц. Тем самым право частной собственности сливается с возможностью пользования общим имуществом, а налогообложение представляется законным способом перераспределения плодов труда, более справедливым, чем сама Природа. Император становится выше Природы, он — живое воплощение божественной справедливости, спасающей людей от бедствий и нужды. Поступаясь в его пользу частью прав, собственник не утрачивает их, а приобретает новые гражданские возможности. Этот своеобразный «общественный договор» является системой взаимных персонифицированных обязательств государства и гражданина [12, с. 230].

По мнению современных исследователей, данная теория была определяющей для налоговой практики римской империи вплоть до начала V в. На основании представлений о возможностях фискальной системы строилась социальная политика имперской власти. Она состояла в расходовании средств фиска в тех направлениях, которые закрепляли в общественном сознании понятия о социальном равенстве, справедливости и гражданских свободах. В экстраординарных условиях данные средства способствовали стабилизации целостности имперского сообщества и компенсации гражданам за понесенные материальные потери. Таким образом, феномен налогообложения в его различных проявлениях оказывался включенным в картину мира римского общества и оказывал существенное влияние на мировоззренческие установки его граждан. Этот факт оценивается исследователями как наличие в римском обществе на протяжении всей его истории своеобразной «налоговой культуры», которая неразрывно связана с римской социальной традицией. Именно этот элемент традиции обусловил различные проявления самого феномена налогообложения в последующей истории сообществ Западной и Восточной Европы, а также Ближнего Востока и Северной Африки. Персонификация фискальных отношений легла в основу западноевропейской сеньориально-вассальной зависимости и византийского принципа симфонии светской и церковной властей. Разделение системы налогообложения на «внутреннюю» и «внешнюю» стало основанием раннеисламского сообщества.

Анализ многообразных прямых и опосредованных влияний социальных характеристик римского налогообложения на историческое развитие еще

ждет своего освещения в научной литературе. Однако отказ от редуцированной политэкономической методологии и формирование новых социально-философских основ рассмотрения феномена налогообложения дают возможность выявления в нем новых связей и аспектов. Изложенные в данной статье предварительные положения реконструкции налогообложения римского общества, несомненно, нуждаются в уточнении и дополнительной аргументации. Но по мнению автора, они даже в таком виде позволяют по-иному взглянуть на накопленный теоретический и эмпирический материал, сделать новые выводы о прошлом, настоящем и будущем феномена налогообложения.

Литература

1. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. — СПб.: Алетейя, 2000. — 437 с.
2. *Маяк И.Л.* К вопросу о пополнении римского бюджета в эпоху республики // *Торговля и торговцы в античном мире.* — М.: РАН, 1997.
3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 4. — М.: Терра, 1995. — 688 с.
4. *Тит Ливий.* История Рима от основания города. — Т. 1. — М.: Наука, 1989. — 579 с.
5. *Словарь античности.* — М.: Прогресс, 1989. — 704 с.
6. *Кончаловский Д.П.* Экономическая история Рима в ее источниках. — М.; Л.: ГИЗ, 1925.
7. *Зборовский Я.Ю.* Римские цензы периода республики: механизм действия, проблема достоверности (III–II вв. до н.э.) // *Вестник Древней истории,* — 1979. — № 4.
8. *Кузицин В.И.* Формирование права частной собственности в римской юриспруденции во II–I вв. до н.э. // *Вопросы истории,* 2008. — № 6.
9. *Кофанов Л.Л.* Коллегия торговцев Рима, цена их клятвы и общественные пиры // *Торговля и торговцы в античном мире.* — М.: РАН, 1997.
10. *Исследования в области национальной экономики классической древности Родбертуса.* — Вып. II. — Ярославль, 1881.
11. *Серов В.В.* Развитие системы управления императорским фиском в III–IV вв. // *Античная древность и средние века: Сб. научн. трудов.* — Екатеринбург, Изд-во Уральского гос. ун-та, 1998.
12. *Гай Плиний Цицилий Секунд.* Панегирик императору Траяну // *Письма Плиния Младшего.* — М.: Наука, 1982. — 410 с.